

**МЕЖНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
ВИЗУАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ**

1 / 2015

ОТ РЕДАКЦИИ

Журнал «Другие» приглашает ценителей прекрасного и необычного окунуться в мир его страниц. Сегодня мы публикуем визуальную поэзию Вячеслава Галечьяна, Эдуарда Кулёмина, Михаила Погарского и Сергея Федина. А также стихотворения Георгия Яропольского и Елены Асеевой и прозу Юрия Ковалёва. Смотрите на мир креативно!

**ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА
И ХОЛДИНГА
«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»**

Издатель
Евгений Степанов

Главный редактор
Евгений В. Харитоновъ

Шеф-редактор
Фёдор Мальцев

Редколлегия
Сергей Бирюков
Юрий Гик
Константин Кедров
Наталия Лихтенфельд
Арсен Мирзаев
Юрий Милорава

Дизайнер
Василий Манулов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка редактора</i>	2
--------------------------------	---

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

Валерий ГАЛЕЧЬЯН.....	4
Эдуард КУЛЁМИН	6
Михаил ПОГАРСКИЙ	17
Сергей ФЕДИН.....	24

ПОЭЗИЯ

Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ. Сундук на дубу.....	27
Елена АСЕЕВА. Ты будешь как ветер	39

ПРОЗА

Юрий КОВАЛЁВ. Рассказы	47
------------------------------	----

ВАЛЕРИЙ ГАЛАЧЬЯН

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

ДОЛГОЕ ОЖИДАНИЕ

СОЗДАНИЕ РАУО

павлин распустил

X
B
O
O
K
S

napum

He

СЯ

спердуться

талант

CO3BE

негони-ко
 в поле цветущем
 в злато-
 стряхну
 звездный рей

СОВЕТСКИЕ СТРЕЛЫ

Черное сердце

EC

т ел

b1a

10

TO THE ELECT

ОБЛАКО СМІТ

К
Н
А
М
Т
Е
М
Н
А
Я

人

м
а
т
е
р
и
я

п
ы
х
т
я

HE

«Впишись...»

Арт-проект

Шаблоны «Впишись...» («Fill in...») распечатываются в виде плакатов, листовок, стикеров и т. п. Затем они распространяются различными способами: раздаются из рук в руки, рассылаются по почте, расклеиваются в публичных местах... Таким образом любой человек может вписать свои строки-рисунки в данный шаблон и стать частью единого процесса создания поэтического артефакта. Полученные результаты регистрируются путем фото-видеосъемки, сканирования, публикаций в печати и т. п.

ВПИШИСЬ

ВПИШИСЬ...

...ЭТО ПОЭЗИЯ

ВПИШИСЬ...

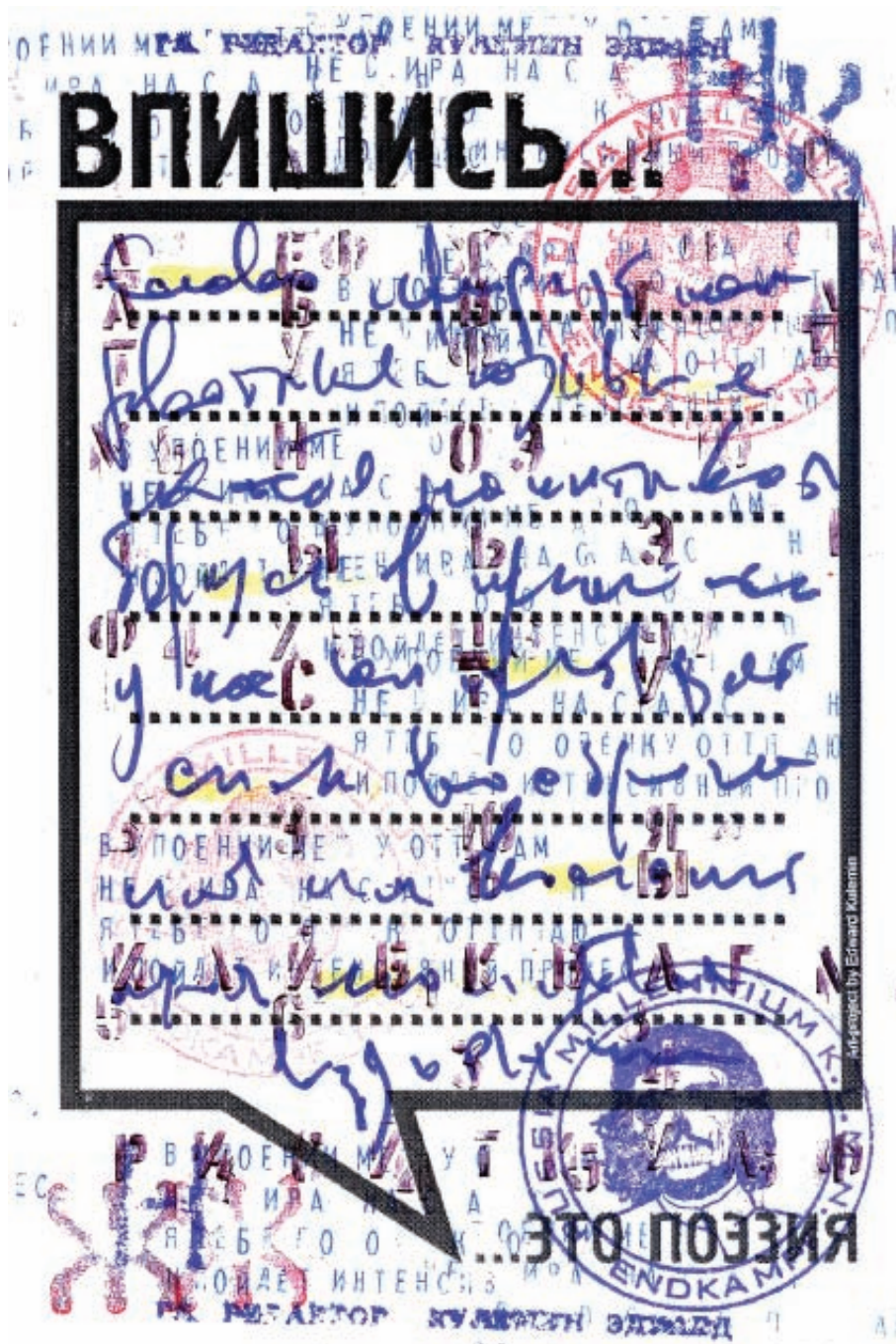
Art project by Edvard Kucman

...ЭТО ПОЭЗИЯ

ВПИШИСЬ

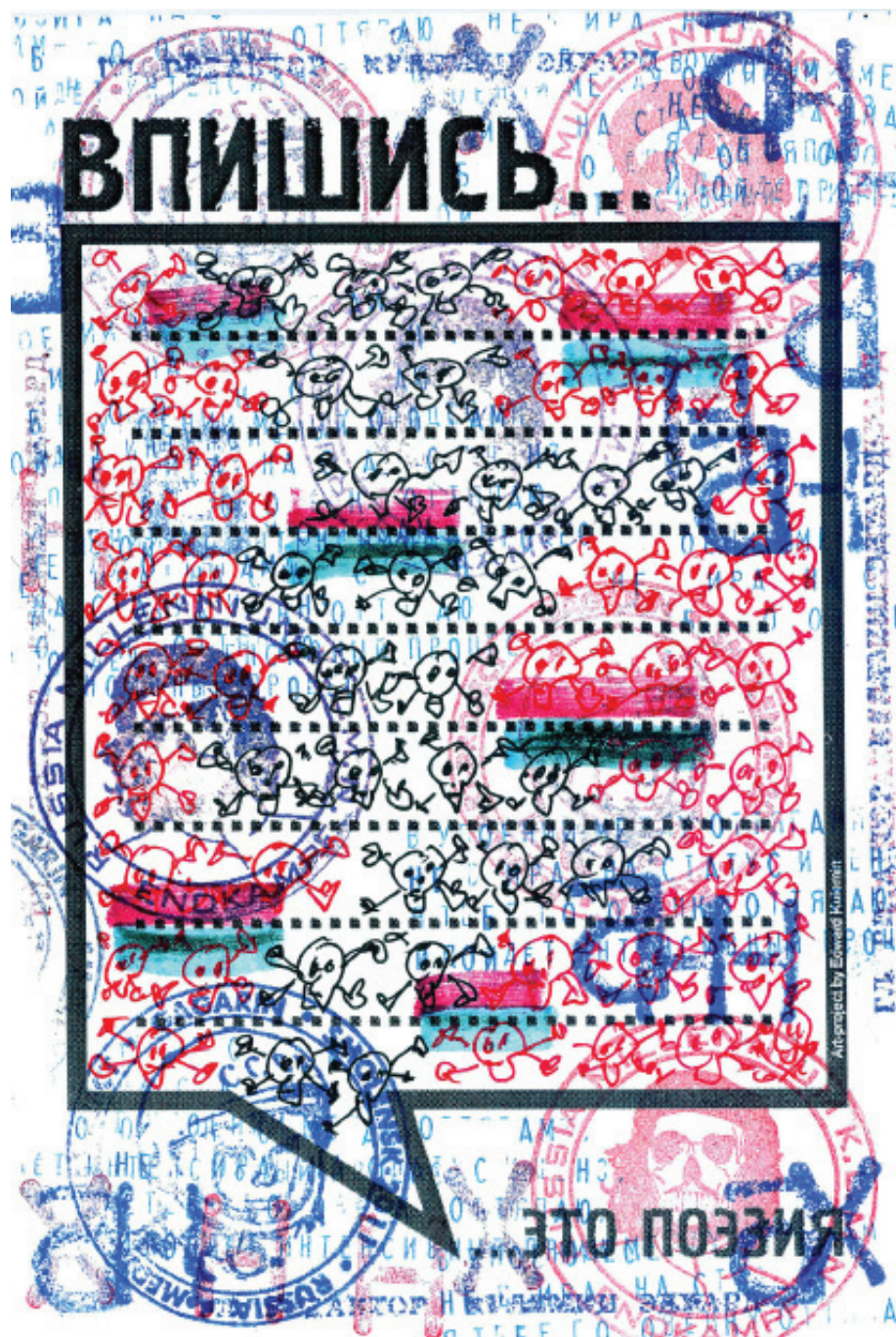
...ЭТО ПОЭЗИЯ

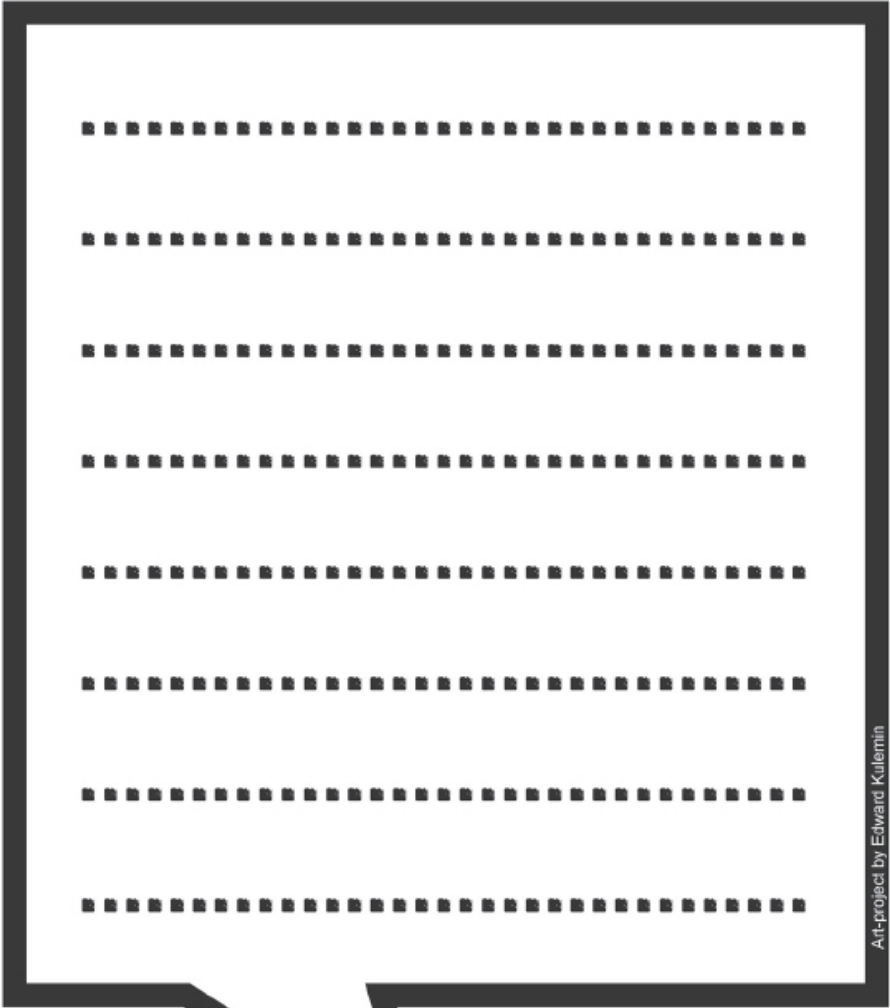

ВПИШИСЬ...

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

Art-project by Edward Kulemin

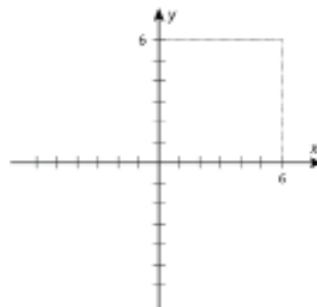
...ЭТО ПОЭЗИЯ

МИХАИЛ ПОГАРСКИЙ

КВАЗИНАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

ШЕСТИ ПОСЛОВИЦ АДА

УИЛЬЯМА БЛЕЙКА

MMXIV

ЩИКА «БАСЕЙК»

ВИНО – чем старше, тем лучше;
вода – чем свежей, тем лучше

Прямое вино и вода (PWB)

Количество вина зависит от времени по формуле:

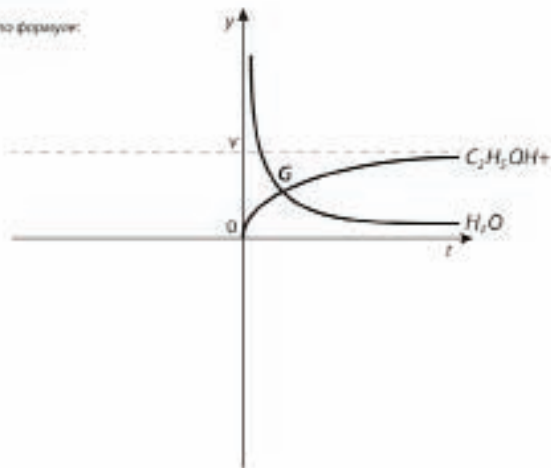
$$y = \arctg |t|, \text{ л/в}$$

y – количество вина;
 t – время;
 v – градус насыщенности.

Количество воды обратно
пропорционально времени:

$$y = \frac{k}{|t|}, \text{ л/в}$$

y – количество воды;
 t – время;
 k – коэффициент чистоты.

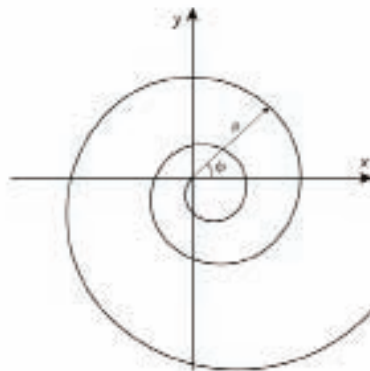
Теоретическая аналогия PWB

Предположим, что y – количество искусственного происхождения (ИОП), а t – количество вина и воды, которое содержится в ИОП. И тогда чем меньше воды и чем больше вина, тем выше ИОП.

Гипотеза ИОП

Искусственное происхождение достигает максимума в точке пересечения кривых вина и воды – G.

ЧЕЛОВЕК выпрямляет кривые пути; Гений идёт кривыми

Вспомогательный вопрос №1

Куда кривая выводит/ведет?

Вспомогательный вопрос №2

Куда идёт работа: затронутого
или не затронутого путей?

Эффект эффективности гениальной работы (ЭПР)

Рассмотрим эффективность обычной работы по сравнению с работой гениальной на примере Архимедовой спирали.

Уравнение спирали в полярных координатах:

$$r = k \cdot \phi, \text{ где}$$

$$k = \frac{a}{2\pi}, \quad a - \text{ шаг спирали.}$$

Длина дуги спирали:

$$L = \int_0^{\phi} k \sqrt{1 + \phi^2} + \ln(\phi + \sqrt{1 + \phi^2}) d\phi$$

Работа Гения при прохождении по кривому пути спирали равна:

$$A = F \cdot L, \text{ где}$$

F – сила Гения.

Работа по распрямлению спирали равна:

$$A = \frac{gx^2}{2}, \text{ где}$$

g – коэффициент жесткости спирали.

Следовательно, работа гения по прохождению спирали гораздо эффективнее, чем работы по распрямлению спирали, поскольку сила Гения всегда больше коэффициента жесткости, что очевидно и не нуждается в доказательствах.

НЕ узнаешь меры, пока не узнал избытка

Опровержение максимы Блейка

В 1902 году французский математик Анри Лебег описал понятие меры множеств, названной его именем:

Мера Лебега любого квадрата $\lambda(\square) = S$, где S – площадь $\square$.

Внешнюю меру $\lambda^*(A)$ произвольного множества A полагают равной наименьшей сумме площадей:

$$\lambda^*(A) = \sum_{i=1}^{\infty} \lambda(\square_i),$$

сделанной по некоторым покрывающим множество A счётными совокупностями квадратов $\{\square_i\}$.

Внутренняя мера множества A определяется как разность:

$$\lambda_*(A) = \lambda(\square) - \lambda^*(A_{\square}),$$

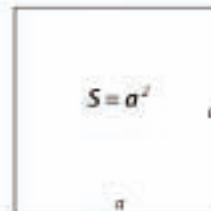
где $\square$ – произвольный квадрат, содержащий A , а $A_{\square}$ – множество всех точек этого квадрата, не содержащихся в A . Множества, для которых

$$\lambda_*(A) = \lambda^*(A),$$

называют измеримыми по Лебегу; и обладают значением внешней и внутренней мер – мерой Лебега.

Анри Лебег родился в семье бедного типографского рабочего и до 1902 года не знал избытка, однако вошёл в математический обиход, пожалуй, самую знаменитую меру.

Измерение квадрата

Риторический вопрос:
Что такое избыточность
квадрата?

Или

мерение времени

Измерение времени привнесло астрономическим наблюдениям, но внутреннее время человека от них практически не зависит: старение, аппетит, сон и т. п. способны как связать, так и разобщить физическое время.

ЧТОБЫ создать цветок, нужна работа веков

Формула стиха

В начале формулы указывается знак пола стиха:

- ♂ – стих мужской; ♀ – стих женский;
- – стих андрогинный.

Далее указывается количество строк.

Потом указывается стихотворный метр:

- Ch – хорей (choriæ); Ia – ямб (iambus);
- Ap – анapest (anapestus); Da – дактиль (dactylus);
- Am – амфибрахий (amphibrachius);
- He – акантметр (acanthæus);
- Sp – спондей (spendæus);
- Me – метрический стих (metræus) и т.п.

Цифры внизу указывается количество строк в строфе.

Например, формула стихотворения
М.Ю. Лермонтова «Парус» такова:
♂ 3 Ia₂

Чтобы создать стихи,
нужна работа души

Формула цветка

В начале формулы указывается знак пола цветка:

- ♂ – цветок мужской; ♀ – цветок женский;
- ♂ – цветок обоеполюй.

Потом указывается знак симметрии цветка:

- * – у цветка есть несколько плоскостей симметрии (правильный, или актиноморфный, цветок);
- ! – у цветка есть только одна плоскость симметрии (неправильный, или зигоморфный, цветок);
- – цветок состоит из двух частей, каждая из которых имеет вертикальную ось симметрии (бисимметричный);
- g – двусторонний цветок;
- f – цветок циклически симметричный.

Далее следует буквенное обозначение, характеризующее окраску лепестков, тычинок, пестика:

- Co – чашечка (calyx);
- Co – венчик (corolla);
- P – простой околоцветник (perigonium);
- A – тычинока (androceum) (androsperm);
- G – пестик, околоцветник (gynæum) (gynospERM);

Рядом с буквами цифры указывается количество элементов, например, пятилепестковый венчик – Co₅.

Если элементы цветка расположены кружком, то между количеством элементов и каждым кругом ставится знак «+».

Положение знака в цветке обозначается черточкой. При верхней дуге цветок является подпестичным, поэтому под цифрой часто пишется слово «подпестичный» (G₂, при нижней дуге) – цветок подпестичный – черточку ставим над цифрой.

Пример:

Формула лилии и тюльпана: * P₃₊₃ A₃₊₃ G₃

Иногда стихи и цветы переплетаются, например в венке сонетов.
Формула венка сонетов Максимилиана Вольмана (Soneto Astrik):

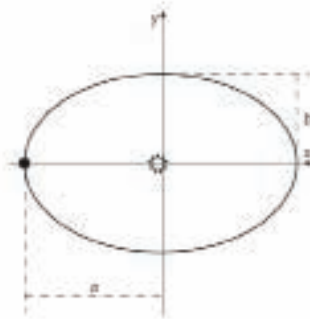
♂ 15 (3) Ia Ia

Астральный венок очевидно состоит из астр. Формула цветка астры:

* Co, P, A, G

Соединение цветка и стиха приводит к безразмерности системы и выводит её на новый уровень.

КТО не способен светить,
не станет звездой

Постулат сильного света (СС)
Вокруг некоторых звезд обращаются
целые планеты! Дробные планеты
проходят по эллиптическим орбитам.

$$\frac{x^2}{a^2} + \frac{y^2}{b^2} = 1,$$

где x – ось восходящая и нисходящая (ВН),
 y – РН координата.

Свойство постулата СС
ВН должно не всегда зависеть
от РН координаты.

Аксиома Вейле:
Энергия излучения, выходящая из
внутреннего света, ценит планета.

$$E = mc^2, \text{ где}$$

Γ – энергия излучения;
 m – планета;
 c – внутренний свет.

Среду звезд встречаются
как красные планеты,
так и белые карлики.
А белых и розовых звезд!

Логический рисунок:

Светить звезда, светить звезда;
До дна планеты звезда.
Светить – и планета светит!
Дал планета звезда – и звезда!

В.Е. Милославский

От избытка горя смеются, а от избытка радости плачут

Теорема настроения

Как горе, так и радость всегда достигают своего предела.
Нельзя увеличивать негатив и позитив настроения до бесконечности. Настроение человека (смер-песн) зависит от горе-радости по формуле:

$$y = \arctg x, \text{ где}$$

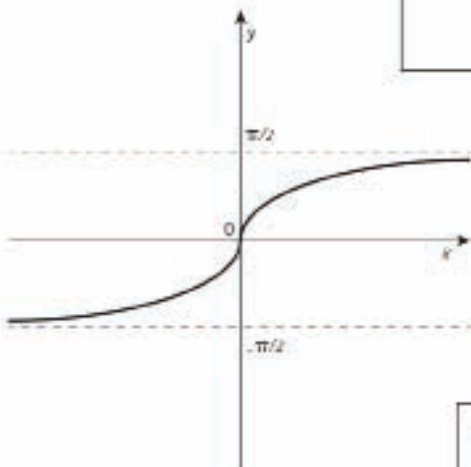
y – ось смена-песня;

x – ось горе-радости;

$\pi/2$ – предел смеха;

$-\pi/2$ – предел плача;

π – максимальная негативность.

Парадокс Блейка

Если горе превышает предел плача, наступит смех и, наоборот, если радость превышает предел смеха, наступит плач. Парадокс Блейка можно выразить при помощи Дельта-функции Дирака.

$$\delta(x) = \begin{cases} +\infty & \text{при } x = \pi/2 \\ -1 & \text{при } x > \pi/2 \end{cases}$$

$$\delta(x) = \begin{cases} +\infty & \text{при } x = -\pi/2 \\ +1 & \text{при } x < -\pi/2 \end{cases}$$

Гиперболы парадокса Блейка

Гора лори = американский смех.

Радуга радости = солнце слез.

СИНЕРГИЯ

Рождественские октавы

*Из ничего явилось — нечто,
оно сильнее и больше нас.*

Лера Мурашова

1.

Очередной разрыв перетерпеть,
твердя себе, что песенка не спета,
что сменится (как ныне, так и впредь)
на сдобу доброты сухарь запрета, —
какая хрень! и тусклый луч, что плетъ,
хлестнет, слепя, когда не станет света,
а все вернуть не в силах индивид,
заиндевав от мелочных обид.

2.

На выпады постыдные забив,
не находя в забвении забавы,
не лицемерь, что по фигу разрыв,
но и не множь бессмысленной растрavy:
в два голоса сплетается мотив,
а коли врозь, то оба и неправы.
Усиливают ненависть и месть
друг друга — синергия в этом есть.

3.

Мы ненавистью пестуем врагов,
не признавая выхода другого;
карающих творим себе богов,
в итоге удаляясь от благого;

сплетаясь разветвлениями рогов,
прискорбный путь проделываем снова
и, в бездну уходя за рядом ряд,
самих себя успешно гоним в ад.

4.

В природе что-то действует за нас —
в той первородной части, что греховна, —
и норовит, вошедши в резонанс,
из козлища изгнать остатки овна,
но так, чтоб имярек, в грязи резвясь,
считал, что это истинно духовно,
и, перещеголяв во зле козла,
себя не называл исчадьем зла.

5.

«Пощады не дожидаться подлецам!» —
им несть числа, подобным восклицаньям.
Да, те, кто партизанил по лесам,
потянутся навряд ли к полицаям
с прощением: прекрасно знаю сам,
что делается мир непроницаем
от марева багрового в зрачках,
покуда корень гнева не зачах.

6.

Зачем же строить замок из песка
на взморье, по-звериному жестоком?
Тоска моя, тосканская тоска,
разлейся по испытанным опокам;
тоска не точка, если высока
и если устремляется к истокам
не глиняным, но горним, тем, куда
звала волхвов полночная звезда.

7.

Берсерк и рыцарь, лучник и буй-тур —
как широко понятие культуры!
Абракадаброй аббревиатур

опять морочат граждан диктатуры,
а кто иных возжаждал партитур,
несут свой крест, возвышенно понуры.
Увы, не достучавшись до людей,
опять висит распятый иудей.

8.

В Париже шок: кто харкал — тот убит.
Не отличав шиитов от суннитов,
одно пойму: разрухой мир не сыт,
но чу лет сорок, как представил Битов
ту синергию, что сминает быт,
слагая пиетет из appetitов:
две крохотки такой накал дают,
что просто дыбом волосы встают.

9.

Откуда же идет она, любовь?
Make love, not war — в подкорке у любого,
но, кто и как тому ни прекословь,
вновь к Божьему слепое липнет слово,
а синергия проливает кровь —
и рифма, как на грех, всегда готова.
Меж тем, хоть род людской презрел родство,
опять нас осеняет Рождество.

СКУКА МИРА

Не облеченная в слова,
но ведающая о сроке,
прет-продирается трава,
еще не слышавшая строки:

«Что восхитительней, живей
войны, сражений и пожаров?»
Легко разгонит суховой
беду на тысячи гектаров.

Огня известен аппетит —
на все накладывает руку!
Но живость бойни мне претит —
не предпочесть ли мира скуку?

Не сделать ли ее полней,
отгородившись от кошмаров
«кровавых и пустых полей,
бивака, рыцарских ударов»?

Все длится, длится бранный пир,
гремят глумливые копыта!
...Но что такое скучный мир
в том мире, где война забыта?

ДЕМОСФЕН

Стоя на берегу,
ты произносишь речь —
рыбы в своем кругу
знают, как счет сберечь.

Просто, как дважды два?
Все переврут опять —
подтасовав слова,
споро докажут: пять.

Сколь ни глаголь, у рыб
впрок припасен ответ;
всякий благой порыв
тычется лбом в запрет.

ЗИМНИЙ ДВОРИК

Окном объел туман —
кто кого, понятно?
Краски выкрал, клептоман,
все цветные пятна.

Где, затейник, спрятал ты
белую собачку?
Изведясь до слепоты,
не решу задачку.

Смыслов новых не найду,
старые забуду.
Долго ли попасть в беду,
устремляясь к чуду?

Помни, выхватив ключи
на призывы звука:
вдруг да сдвинута в ночи
будет крышка люка?

Зябко тянет от окна,
дым табачный горек,
и стирает пелена
тихий зимний дворик.

РАЗРЫВ ШАБЛОНА

Парить, как перышко без веса,
в широтах мерзлых не дано.
Успех пророчила ей пресса,
но пересилило вино.

Жизнь повторяется, как пьеса,
как надоевшее кино,
и спившаяся поэтесса
выбрасывается в окно.

Ее победа — или беса,
к ней пристававшего давно,
как неотесанный повеса?

Не различая ни бельмеса,
зерно не знает, чем оно
стать к осени обречено.

ДВА ЖУКА

Вот два жука: один из них поэт,
другой несет витиеватый бред.

Но ежели глядеть издалека,
неотличимы эти два жука.

А стало быть — попробуй возрази! —
их следует рассматривать вблизи.

СИНИЦА

Щебетала синица —
прототип домочадца:
«Чтоб дороже цениться,
надо реже встречаться!»

Так, навроде Мавроди,
мне башку задурила,
что теперь я в народе
самый знатный мудрила.

Но, давая ей взвиться,
прошепчу вслед неправой:
«Ты не сможешь, синица,
притвориться журавой».

ГОЛЕМ

По мне, что про-, что анти-
(не важно, по лбу, в лоб).
Один вопит о вате,
другой клянет укроп.

Все это — лишь завеса,
слепой язык вражды,
а бреднем вынуть беса —
напрасные труды.

Не послан небесами
коварный этот псих;
его мы лепим сами —
любой из «малых сих».

И се, жестокой вые
навряд ли что грозит:
мы — части составные
хвоста, рогов, копыт.

Он весь из мелкой пыли,
ему не гаркнешь «вон!».
Его мы сотворили,
но правит нами — он.

ПОПУРРИ

«Загублена такая жизнь!» —
строка из древности, из Ро-
берта Иваныча, кажись,
иглой кольнула под ребро.

Обгрызен каждый габарит.
Солома преет в голове.
«Мне не успеть договорить», —
давно успел сказать АВ.

С портрета хмурится отец,
как приглашая: «повтори!».
«Часть речи», «превратиться в текст», —
мозги мне пудрит попури.

С утра терзает дребедень
и Тоски нет — гнетет тоска.
Но «светожизни смертотень»
приговорил мой друг СК.

Уймись, утихни, попури, —
ты не пошлешь меня в отруб:
всегда важнее, что внутри,
чем то, что зыблется вокруг.

Кто прозревает суть вещей,
загробный страх видал в гробу.
Пусть я тощ, что твой Кощей,
сундук пребудет на дубу.

ОБРАТНЫЙ ПЕРЕХОД

Живая жизнь перетекает в слово —
возможен ли обратный переход?
Дано ли слову «куст» кустом стать снова,
стать снова небом — слову «небосвод»?

А слову «мозг» дано ли озариться?
Дано ли что-то выдумать ему?
Испещрена вопросами страница,
из них любой таращится во тьму.

Философы, филологи, поэты
напрасно в дебри душевные спешат:
все песенки давно уже пропеты —
как говорится, *sapienti sat*.

Во мраке ночи — жесткой, односпальной —
дарует ли прозренье слово «свет»?
Что сласти мы найдем в халве вербальной?
Восток давно на это дал ответ.

Но я скажу: пусть это все не ново,
ничто не ново, знаю наперед,
однако ж существует слово «слово» —
и в нем так мил обратный переход.

ПРОБЛЕСК

Оттепель в начале декабря:
недоумевает цокотуха
и, сомнамбулически паря,
все зудит невнятицу мне в ухо.
Дескать, неужели я в раю?
Как вокруг привольно и пригоже!
Правду от бедняжки я таю:
заморозок значится в прогнозе.

ТРЮИЗМ

*Солнце сіяєть на злыя и благія,
и дождитъ на праведныя и неправедныя.*

Не чтобы враз прихлопнуть опыт,
с горы спускается скрижаль.
Свет проникает и сквозь копоть,
и видишь — ласточку, стрижа ль.

Сиять «на злыя и благія»
привыкло солнце с давних пор,
а стало быть, и невралгия —
лишь пытка, но не приговор.

Не обойдешься без трюизма
и без высокопарных фраз:
пускай неярко, свет струится,
как в самый давний, дивный раз.

Склоняясь к Авраама лону
(о, бедный старый Авраам!),
на склоне лет взбеги по склону
на зов прекраснейших из дам.

Обзаведись мечтой на вырост,
не ребусом в один присест, —
тогда свинья тебя не выдаст,
а Бог, естественно, не съест.

КУЗЕНЫ ШИМПАНЗЕ

С нахрапом, ведомым арахнам,
торт венчан храмом из безе.
По иерархиям — шарахнем!
Мы все — кузены шимпанзе.

Равновелики рожи, лики,
мураш — такой же дромадер,
а цепкий усик повилики
повелевает брать пример.

Зачин за пазухой итога,
сухими ножками суча,
орет как резаный, и только
смысл отчебучил стрекача.

JAMAIS VU

Сбоит мой блиц:
на кадр мостится кадр.

Мельканье лиц
умножено стократ.

В толпе плыву,
едва ли помня цель.
Ждет jamais vi,
когда вернусь в отель.

От чехарды
снесет рассудок в хлам —
налью воды
искусственным цветам.

ЗАПИСКА БОГУ

Лбом упершись в Стену Плача,
знай себе молчу.
Изъясню ли — вот задача! —
все, чего хочу?

У меня корявый почерк —
есть досуг вникать?
Что, без букв и штучек прочих
обойтись — никак?

Не избрать ли связь немую,
без посредства слов?
Но к общенью прямую
мало кто готов.

На мерзавца напороться
всем в себе претит:
вдруг под слоем благородства —
голый аппетит?

Лучше в слово, словно в тогу,
наготу облечь.

Сколько их, посланий к Богу, —
сыплют, что картечь.

Что ж, ступай, моя записка,
в щелку меж камней.
В общем хоре даже писка
вряд ли ты слышней.

Вряд ли нашей карго-вере
ведом юный пыл,
но в словах, по крайней мере,
искренен я был.

СОВРАМШИ

Нет, никогда, ничей я не был...
О. Мандельштам

Есть слова, от которых тошнит.
Например, «современность». «Соври мне!» —
различит в нем лингвист-эрудит,
что «гимен» раскумекает в «гимне».

«Ну а сов? — кое-кто возразит. —
С их ременчатой мудростью вещей?»
Современчатость? О паразит!
О ремень, обернувшийся — сечей!

Возопят: «Слово-куб! Совокуп-
ность прозренья, добра и картечи!»
«Совращенье!» — движением губ
оборву недостойные речи.

КОЛЛЕКЦИОНЕР ГРЕЗ. САУНДТРЕК (SOUNDTRACK) 2003

1.

Октябрь раздвигал свои объятия
И осень проплывала в сером платье
Ввернув весь мир в сомнение и обман
А где-то высоко под облаками
Играла флейта —
Были птицы с нами
И ветер струны памяти трепал

А в млечной пустоте
Над этим миром
Шатер раскрыли
Закрывая их от пыли —
Бессмысленно влюбленных
И любимых.

2.

....из-за любви, чья власть сильнее судьбы
черны одежды светлой Каабы....

спи Лолита потертых клавиш
монитора что ночь вбирает
отпечатками снов золоченых
фотографии слов. Лишь ранят.

а сегодня мое лишь строчки
я гадаю на сновиденьях
я плыву по разлуке моря
я к тебе подползаю тенью
я пишу тебе обреченно
я наверное так неслышна
я испорчена
я греховна

ТЫ БУДЕШЬ КАК ВЕТЕР

я уже не трава
я мышка.

серым сумраком сжалась в комочек
каждый день топ-топ-топ
по крошке...
Дай мне крылья обратно, Боже.
Дай мне ветра быть ветра тенью.

Дай мне силы тебе докричаться
Пересечь льда пустыни мартом.

...Осыпает себя Лолита и волнами-словами и нежным нардом...

Я к тебе так давно в тревоге
Меня вел к тебе мир и буквы
Освещали в ночи пилигримы.
Я летела к тебе так трудно.
Я устала.
Я вся замерзла.
Я почти уже ног не слышу.
Я иду.
Я к тебе в дороге.
Я скучаю.
Я смысл без смысла.

Я к тебе обошла полсвета
Одинокого, цвета моря.
Я вернулась, мой кто-то где-то...
Отдохнуть на твоих ладонях.

3.

...а счастье случилось,
счастье длилось
но быть счастливой не получилось
но быть счастливой не удавалось
тебя не хватало — лишь малость.
такая малость —
твоя ненужность

и дым сигареты
над грустным взглядом
Босфор застенчивый.
Зависть сердца.
Самой себе.
Где-то рядом.

Такая малость.
Прости за слабость
Я сильная,
Я смогу...

4.
ты будешь как ветер
в котором медведи
берлогу завили
из вьюги и пыли
и сизый песок
пересек расстоянья
сказать мне, что где-то есть ты...

ты будешь как утро
лишь светлый и чистый
и не зачернит этот
лес родниковый
ни годы, ни круг вокруг глаз
разлучистый
морщин, что скопились
от слез...

ты будешь как память
о всем, что мне снилось
о всем, что мечталось
еще не случилось...
как нежность, чьи тропы
прошли расстоянья
согреть заколдованный мир...

5.

Ты помнишь, как летели вслед дожди
всем нашим встречам, как они светились
а ветер обрамлял нам дни и дни
шептал о чем-то
— а они все длились...
И где-то рядом в скучной тишине
И в вялости тягучего покоя
Мы были краденные, не одни
В словах твоих, в смущеньи
Были двое.

И каждый вечер предварял уход.
А утро каждое дарило снова встречу.

6.

не грусти и не бойся
я с тобой.
гонит ветер полозьями
целый рой
с неба снежные гороздья
облаков
низвергаются падая в твой альков
не грусти и не бойся
— в той дали
шепчет ночь за ресницами
сны твои
лишь дрожит теплой тенью
в моих руках
это грусть очищения
но не страх.

7.

подделяваясь под явь
как тень пустая
впереди желания
идет надежда
и ложь ее
как феникс

встает из ее же пепла

Густаво Адольфо Беккер

....в саду ли, в пруду
в лесах-колдунах
в руках лебеду
рябина в руках
бреду, серый филин,
в бреду ли
по льду

свою хоронила мечту.

мне руны сказали
оставь все, не рви
ни сердце, ни струны
души, береги
для ветра себя
ли
беречь...
я иду
за годы
за небо —
мечту хороню...

прости меня, милый
я резала всласть
и сердце кропило
на мелкие гвозди
тех слез, и забывчивых
мыслей-капризов
осталась ли
горечь. И власть.
Придуманы страны,
Дороги и вехи
Семейные были,
Дома, человеки
Бродили и жили
В мечтах, что несу
На гору убить.

Мечту хороню...

Руки до крови
Руки мозоли
Горло сухое
Горлом вою.

Будь счастлив.
И нежен.
И вечен...

Снова и снова.
Как жрица Хосрова
Что в сердце хранила —
В саду хоронила....

В земле ли. В пруду
Свою хоронила мечту...

8.

но август...
Пол-второго ночи
Мечты иссякли и немея
Ты призывал холодный сумрак
Что за окном упал.
В вагончиках толпятся люди
И лица
Сумрак холодеет
А жизнь уходит.
Я призывала призрак сердца
А он был тих
Как мир промозглый
Как призрак по-английски —
«гоуст». Ведь август.
Холодно до боли.
Жара плюс тридцать.
Так заговаривали соль
и воду. Свечи, одеяло...
Тебя перекрещу любовью.

Огнем нежгущим.
Если мало — услышит ангел
Даст вам хлеба. А я пойду
По краю неба...

Я там давно иду.

9.

....а ветер расцветит снами
остатки сухой травы
Идите, друг мой. Бог с вами.
Вы тоже идите. И вы...
Так больно. И Вас из сердца
Рвать с кровью. Так рвут из ран
Ребенка, что не родился
Оставить земле да волкам.
Вас тоже порвать бы силы
Найти. И поставить крест.
Прости меня, Бог. Любила.
Опять... Сумрак сердце ест.
И съел уже. Завтра. Может.
До завтра дожить бы. Кабы.
Идите, друг мой. Я с вами
Всегда.
И вы тоже.
И вы....

10.

прилети ко мне как сон — небом...
ветром вечным
и степным летом.
Голосами и
нелепой надеждой.

Безнадежность.
Сладость.
Пустошь.
И нежность.

11.

в августе все уходят.
а ты был самый прекрасный
и кони на водопое
туманные
воду бродят
тела их сверкают белым
и сумерки обнимая
фигура придет несмело
к пруду на окраине рая.
И тишиною манит
Вода у холодной запруды
И тонкие веки немые
И нервные шепчут губы
Приходит нежна как вечер
Как весталка в платье длинном
Как ветер вспорхнув, оглянется
А губы прошепчут имя...

А с мира другого края
Спускаясь печальной тенью
Глаза, что со всех глядели
Икон и случайных лиц
Он медленной статью
ссутулится
увидеть свое отражение.

Все сумерки...
И одиноко
Они молча просят Бога
Послать им забывчивость снова
Случайно и невзначай
А в мире одна дорога
И сердце в ней крах... и кроха
А в мире всего три слова —
«люблю тебя» и «прощай».

Кабул-Геленджик, 2003

ГОРДОСТЬ

...Поздний вечер. Гости уже утомнились и с выпивкой, и с закусками и расслабленно отдыхали по углам. Время от времени завязывались необязательные разговоры, островками вспыхивал смех, анекдоты становились все откровеннее, голоса звучали все громче...

За столом остались несколько женщин — мать с двумя взрослыми дочерьми и немолодая соседка, ровесница и подруга матери.

Разговор как-то плавно перешел от заготовки солений и закусок на зиму к семейной жизни. Мужей за столом не было — у молодых они были в разъездах, а у старших давно ушли из дома и скитались неведомо где, ища лучшей доли.

Затеяла разговор соседка. Она, в очередной раз, с нескрываемой завистью посмотрела на статных дочерей своей подруги, вздохнула, налила себе из графинчика водки, бросила ее по-мужицки в рот, громко крикнула и, отдышавшись, сказала:

— Хорошо тебе, Петровна! Вона, каких девок подняла. Будет кому в старости помочь. А я вот, как родила от своего дурака такого же сына-дебила, так и осталась ни с чем. Вырос, как сорняк под забором — только пьянствует да дерется с друзьями. Хорошо, пока на меня руку не поднимает, да чувствую, скоро и я дождусь.

Она передохнула малость и нацелилась было хватить еще рюмашку, даже руку потянула к графинчику, но потом передумала, словно вспомнив о чем-то, внимательней посмотрела на подругу и начала заводить уже по-настоящему:

— А чего тебе было и не вырастить дочек — мужик твой и жил с тобой долго, и деньги какие-никакие в дом приносил, не все пропивал. Он и девкам скучать не давал, постоянно с ними возился. Каждый раз с собой в город брал. На каруселях, небось, катал, до упаду. Это мой, кроме бутылки, ни с кем не дружил, даже собутыльников своих не особо жаловал, все боялся что ему меньше достанется...

— Да, катал он нас до упаду, прямо обзавидуешься, — начала закипать ответной злостью мать двоих дочерей. — Как с работы придет — все ему не так. И сахар не сладкий, и соль не соленая.. Вот он меня и катает, как на каруселях, прямо до самого упаду... Пока не скопычусь...

Зацепило ее подружкино «до упаду», и она все никак не могла успокоиться, постоянно вставляя это словечко в свою речь.

— Он и дочек не забывал. Чуть голос на него поднимут, чтобы за меня, значит, вступиться, а он и их лущет. То ж до упаду.. Злость свою, сучонок, на нас срывал. Не ладилось у него на работе ничего. Потому, что ленивый и жадный был. Вот он на нас и отрывался.

— Это тебя-то бил? — возмутилась ее подруга. — Да я же рядом с тобой всю жизнь живу. Что ж я не видела, как вы жили?! Да, злился он на вас, что отдохнуть ему после работы не давали, так он хоть деньги в дом приносил, кормил вас, дур ленивых. А вы ему толком и жрать ни разу не приготовили, вечно, помню, по столовкам скитался.

— А вот мой — бил так бил, — как-то даже мечтательно промолвила она. — И повода ему не давала. Бывало, работаю целый день, наготовлю всего, чтобы ему, кобелю, закусывать было чем. Так ему мало было просто выпить, еще и руки почесать хотелось о мои бока. Вот и сынок — образина, таким же вырос. Тоже, как выпьет — сразу на людей кидается.

— Да разве твой ударить-то мог по-настоящему? — теперь уже возмутилась мать. — Он же — от горшка два вершка. Если и ткнет своим кулачком куда, так и синяка не будет. Это у моего, вон, кулаки пудовые были. Уж если такой гирей приложит и одного раза хватит, чтоб сознания лишить.

— А тебе много ли надо? Тощая как палка, — опять перешла в наступление ее подруга. — Толкни тебя в бок, ты и завалишься. Это меня полчаса мутузить нужно, чтобы с ног сбить.

— Да, — согласилась мать, — Ты кобыла еще та. Втроем не объездишь.

— Вот-вот, — пьяно обрадовалась подружка, — а то бил ее, тоже...

И она опять потянулась к графинчику.

— Дуры вы старые, — вдруг вступила в разговор старшая дочка, — били вас, как же. Ты, мать, не заливай тут перед людьми, а то и вправду чего подумают. Ну звезданет, бывало, тебя отец пару раз, отлетишь к стенке. Бил-то он и вправду, сил не жалея. Но пока ты очухаешься, он и угомонится. Вот нас, девок, помню, мордовал по-черному. Так это он за то, что дурами росли, сроду ни одной книжки не прочитали. Двойки одни из школы и приносили. И ты, тетя Валь, тоже заладила — мутузили ее бедняжку. Как же, можно подумать! Ты сравни своего хилыка с собой-то! Помню, как он вокруг твоей фигуры скакал. Прямо из сил выбивался, доходяга. Да ты, если бы захотела, сама бы его взяла и прихлопнула. Нравилось это, видать, тебе. Величие свое ощущала, — заговорила она вдруг по-книжному.

— Да вы и не знаете, как бьют-то по-настоящему, — с некоторой даже гордостью продолжила старшая дочка и, оглянувшись по сторонам, не увидит ли кто из мужиков, быстро подняла подол платья и оголила ногу. Там красовался огромный, величиной с крупное яблоко, синяк.

— И на спине такой же, не сомневайтесь, — она с пьяной старательностью оправила платье. — Это мой паразит вчера так перед рыбалкой разминался. Чтобы не вякала, значит. А я и спросила только, когда, мол, домой ждать...

— Вон кому хорошо, — она кивнула на младшую сестру, которая сидела, не поднимая глаз, и думала о чем-то своем.

— Муженек у нее ти-и-хий, — продолжила она протяжно, с непонятной интонацией. То ли издевалась над сестрой, то ли, чем черт не шутит, завидовала ей.

— В тихом омуте... — начала было подружка матери, но та со злостью перебила ее:

— Не каркай, ворона... Может, они разговаривают между собой или книжки по вечерам вдвоем читают. Чего плохого-то?

— Да уж, — никак не могла уgomониться выпившая страдaлицa, — Ни пьет, ни бьет, а жить не будешь.

Читают они. В кровати другим делом надо заниматься.

Почему-то в ее представлении книжки читать можно было исключительно лежа на кровати...

Старшая дочка довольно поддакнула ей:

— Верно сказала, тетя Валь. По мне — уж лучше пусть врежет разок, зато приголубит потом. Вон, как мой-то — своего не упустит, ни за столом, ни в кровати. А у нее «культурный» — ни Богу свечка, ни черту кочерга...

Младшая сестра на эти, уже привычные, видимо, для нее, нападкИ не отвечала. Может, связываться не хотела с выпившими бабами, а, может, и сказать было нечего

Спяну так никто и не понял, откуда взялась у стола ее дочка, девочка лет семи, худенькая, большеглазая, с ворохом веснушек на бледном личике и с тоненькими, как мышьиные хвостики, косичками.

Она, по-видимому, внимательно прислушивалась к разговору взрослых и сильно переживала за опозоренную мать.

Девочка вышла на середину комнаты, встала перед пьяными тетками и, как примерная ученица на уроке, громко и без запинки выпалила:

— Неправда! Врете вы все! Мою мамку тоже папка бьет, не думайте, я сама видела. Она сказать вам стесняется. Гордая она у меня.

Девочка быстро подошла к матери, крепко обняла ее за шею и нежно провела рукой по ее редким, уже заметно седеющим волосам...

— Расхвастались тут! Мой папка не хуже ваших — как даст, никому мало не покажется! Вот захочет и тебя, баба, побьет. Я, может, как мамка, скоро замуж пойду, — расхрабрившись, добавила она, — И мне тоже доставаться будет, уж побольше вашего...

Тут все как-то разом и замолчали, стыдливо пряча глаза от ребенка.

— Хватит нам, засиделись, собираться домой пора, — ни на кого не глядя, буркнула мать.

— Давно пора, — со вздохом согласилась старшая дочка...

ФИНТИФЛЮШЕЧКА

Она наткнулась в Интернете на своего друга детства. Кажется, в «Одноклассниках». Или где-то еще, не важно.

Много лет назад они учились в одной школе и сидели на соседних партах. Тогда он постоянно поглядывал на нее тайком. Писал глупые записки, потом рвал их, писал снова. Она была его первой юношеской любовью. Он об этом так и не осмелился ей сказать, но она, конечно же, обо всем догадывалась и часто, совсем по-женски, кокетничала с ним, усиливая и без того одолевавшие его мучения и неуверенность в себе. Потом они расстались. Перед самым окончанием школы ее родители переехали в другой город. Он долго скучал, даже плакал во сне. Ему почему-то постоянно снилось, как она, перед

самым отъездом, приходила прощаться с одноклассниками. Сначала долго и шумно обменивалась адресами с подружками, потом дурашливо кокетничала, подшучивая над ребятами. Уже перед уходом, преодолевая свою стеснительность, она быстро подошла к его парте и, кажется, впервые внимательно посмотрела на него своими карими, печальными глазами. Недолго постояла, явно собираясь что-то сказать на прощанье, но смутилась в последнюю минуту и быстро выбежала из класса, громко хлопнув дверью.

И вот, спустя годы — нечаянная встреча. Они долго не могли наговориться. Прошло столько времени. Много случилось всего. Жизнь разбросала их в разные стороны, далеко друг от друга. У каждого из них теперь своя семья. Выросли и разъехались дети. Растут внуки. Состарились одноклассники. Ушли из жизни родители.

Они перезванивались постоянно, говорили часами, вспоминая милые детские глупости и районный городок, в котором прошло их детство. Писали друг другу длинные письма. Он даже посылал ей свои стихи (за эти годы успел стать поэтом!), а она их прилежно читала и постоянно хвалила, чтобы сделать ему приятное.

Потом она стала звонить ему все реже, писать все короче и суше. Ее письма больше походили на ненужные оправдания: «Закрутилась на работе. Прихожу поздно. Очень устаю... Внучка пошла в первый класс... Дачу совсем запустила. Столько дел...»

Через некоторое время она и вовсе перестала писать и звонить. Он продержался дольше — все-таки любил ее когда-то. По-прежнему посылал ей нежные письма с новыми стихами, но в ответ получал короткие отписки. Пытался звонить — она не брала трубку. Ждал звонка от нее и несколько раз пугал незнакомых женщин, набиравших его номер по ошибке, крича в пустоту: — Ну, наконец-то, а то я думал, ты обо мне совсем забыла...

На этом все и закончилось. История-то, в общем, обычная...

...Как-то раз немолодая женщина перебирала свои старые вещи, пытаясь что-то найти. И вдруг, среди разноцветных лоскутков и потускневших детских платьев, наткнулась на красивую брошку, которую кто-то (кажется, отец) подарил ей в детстве, перед самым окончанием школы. Да, это был отец. И, как она могла об этом забыть, ведь он же сказал тогда, улыбаясь:

— Увидел в магазине эту финтифлюшечку и решил тебе купить. Уж больно красивая штучка. Носи, дочка. Будет обо мне память...

Конечно же, она сразу прицепила ее к школьному платью и побежала на уроки. Потом долго носила и очень боялась потерять. А после, уже перед отъездом в институт, дела ее куда-то и, как тогда казалось, навсегда оставила в прошлом.

И вот, спустя много лет, она опять держала ее в руках. Финтифлюшечка, как в детстве, все так же нарядно блестела, и камешки у нее были все целы, и застежка по-прежнему исправна, хоть сейчас надевай и носи. Женщина положила ее на самое видное место и каждый раз, когда проходила мимо, любовалась ею. На следующий день она даже прицепила свою финтифлюшечку на новую блузку и сходила с ней на работу. Но все это ей быстро наскучило и, прибираясь в конце недели, она опять сунула детскую брошку на какую-то очередную заваленную старыми тряпками полку и,

конечно же, сразу забыла, куда... Пару раз она еще порывалась ее искать, да руки у нее до этого так и не дошли...

Забыла женщина о своей финтифлюшечке. Снова надолго. А может, и навсегда...

Заказ № 15
Тираж 100 экз.
Отпечатано в ООО "Вест-Консалтинг"
109193, Москва,
ул. 5-я Кожуховская, д. 13